

Дмитрий Брат

Их нельзя спасать

Дмитрий Брат

Их нельзя спасти

<https://litres.ru/74018089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года назад в пустыне Невады открылся портал. Раз в 37 дней оттуда выходят люди, называющие себя Эхо. Они — точные копии жителей нашего мира, но у них на две минуты больше личного времени. И каждое из них предсказывает катастрофу.

Мир боготворит Эхо. Правительства создали службу приёма беженцев. Следователь Кирилл Волков проверяет каждого прибывшего на шпионаж — и не находит ничего подозрительного.

Но в одном из циклов из портала выходит Полина — его погибшая напарница. Она улыбается. А Эхо никогда не улыбаются.

Кирилл начинает расследование и вскоре понимает: правда, которую ему предстоит узнать, разрушит всё, во что он верил. И потребует жертвы, на которую никто не способен. Кроме него.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Дмитрий Брат

Их нельзя спасти

Глава 1

Он снова шёл по мокрой траве к чёрному ходу.

Ночь пахла прелой листвой и бензином от машин группы захвата. Где-то впереди, за деревьями, гудел генератор. Луч фонарика Полины метался по стене дома — короткие, точные движения. Она шла позади, прикрывая тыл.

— Кирилл.

Он обернулся. Она стояла у пристройки, направив луч на низкую дверь, почти вросшую в землю.

— Тут дверь в подвал.

Пистолет уже вскинут. Она не спрашивала — она ставила перед фактом, и он знал этот тон. Тот самый, не требующий возражений.

— Заходим.

Дверь подалась с тяжёлым скрипом. Луч фонаря выхватил уходящую вниз лестницу — бетонные ступени, покрытые пылью и паутиной. Пахло сыростью и чем-то кислым, химическим.

— Чисто, — сказала она и шагнула вниз.

А потом мир раскололся.

Не грохот — удар. Горячий, плотный воздух швырнул его спиной на землю. В ушах зазвенело так, что он перестал слышать собственное дыхание. Перед глазами плыли оранжевые круги. Он пополз к провалу, который минуту назад был дверью. Кирпичная крошка хрустела под ладонями. Дым ел глаза.

— Полина!

Она лежала у подножия лестницы. Он скатился вниз, не чувствуя ни страха, ни боли, только пустоту в груди. Ухватил её под мышки, потащил наверх, на воздух, на свет. Кричал что-то — может, её имя, может, мат, может, молитву.

Кто-то из спецназа уже бежал к ним с аптечкой. Кирилл склонился над ней. В свете фонаря он увидел: осколок стекла застрял в её левой щеке. Кровь текла по лицу, по шее, пропитывала воротник. Он вытащил осколок. Достал иглу, шовный материал. Пальцы не дрожали — они никогда не дрожали. Игла входила в кожу. Нить тянулась за ней. Она смотрела на него, губы шевелились, но слов он не слышал из-за звона в ушах.

Потом сирена. Машина скорой, разрезающая ночь. Он сидел рядом с носилками, держал её за руку и считал пульс. Раз, два, три... Он твердил про себя: «Только бы довести. Только бы успеть».

— Не отвлекайся, командир, — прошептала она.

Он смотрел на её лицо. На шрам, который только что зашил. На бледные губы. На глаза, которые ещё смотрели на него — не испуганно, а спокойно, как смотрят на того, кому верят.

— Ты справишься, — сказал он. Голос был чужим, севшим.

— Знаю. Потому что ты здесь.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой — усталой, но живой. Уголки губ дрогнули, шрам на щеке ещё кровоточил, но она уже улыбалась. Он запомнил эту улыбку на всю оставшуюся жизнь.

— В следующий раз я буду аккуратнее, — сказала она.

— Не надо. Просто... не надо.

Она сжала его руку. Пальцы были холодными, но хватка — крепкой. Он держал её ладонь, чувствовал, как пульс бьётся под кожей. Быстро, неровно, но ещё бьётся.

А потом — затих.

Не резко. Не как в кино. Просто одно биение, второе, третье — и тишина. Он ждал четвёртого. Не дождался.

— Полина?

Её пальцы обмякли в его ладони. Глаза остались открытыми. Улыбка ещё держалась на губах — та самая, усталая, живая. Последнее, что она ему подарила.

Он закричал.

Кирилл проснулся от собственного крика. Сел на кровати, судорожно хватая ртом воздух. Пот заливал глаза. Серд-

це колотилось где-то в горле. Он смотрел в темноту, на белую кружку «К.» с отбитой ручкой на тумбочке, и медленно возвращался в реальность.

Два года. Её не было два года.

Он закрыл глаза, зная, что через несколько часов — очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Но сон уже тащил его обратно. Ночь. Мокрая трава. И голос Полины: «Кирилл, тут дверь в подвал».

Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Кирилл сидел на кровати, уперев локти в колени, запустив пальцы в волосы. Перед глазами стояла картинка: мокрая трава, чёрный ход, голос Полины.

«Чисто».

Он знал этот сон наизусть. Знал каждый вдох, каждый шорох, каждую секунду до взрыва. И то, что было после. За два года сон не изменился. Только не становилось легче.

Ступни коснулись холодного бетона. Посидел так ещё с минуту, привыкая к реальности. Затем встал, стянул футболку и прошёл в душевую. Включил воду — горячую, почти обжигающую. Пар заполнил кабинку, запотело мутное зеркало. Он стоял под струями, уперев руки в кафель, и чувствовал, как напряжение медленно уходит из плеч. Сон отступал. Оставалась только реальность.

Вытерся насухо, оделся не задумываясь: камуфляжные брюки, чёрная футболка, лёгкая тактическая куртка с на-

шивкой ОСПБ на рукаве. Рутинa. За два года она стала второй натурой.

Под дверью уже лежала газета. Кирилл наклонился, поднял с пола влажный от росы бумажный свёрток. Бросил на кухонный столик, рядом с термочашкой. Пока заваривал кофе, развернул газету. Запах типографской краски — резкий, утренний, возвращающий в реальность. Пробежал глазами по заголовкам.

«Эхо в Торонто предотвратило наводнение. Эвакуированы 50 тысяч человек».

«Секта "Дети Портала" требует признать Эхо святыми».

«ООН продлила мандат ОСПБ. Портал в Неваде останется под международным контролем».

Полина когда-то смеялась над его привычкой читать бумажную прессу. Называла «пенсионером», говорила, что все нормальные люди давно в Кортексе. А он отвечал, что так информация лучше усваивается. И что от Кортекса у него аллергия — не врёт ведь. Она смеялась, запрокидывая голову.

Теперь это был ритуал. Один из немногих, которые у него остались. Как и термочашка — тёмно-синий металл с царапинами. Полина подарила её на следующий год после той самой кружки «К.», когда они уже стали напарниками. «Эта не разобьётся», — сказала она, протягивая свёрток. И улыбнулась — не той усталой улыбкой из сна, а другой, озорной.

Кирилл отпил глоток. Кофе обжигал горло. Он вспомнил,

как два года назад стоял перед этим же зданием — бывшим военным полигоном, превращённым в международную базу. Его пригласили в ОСПБ через Интерпол: нужен был следователь с опытом работы в кризисных зонах, без привязки к какой-либо стране. Он согласился, потому что не мог остаться в Москве. Потому что там была её квартира — та, куда он однажды приехал среди ночи, чтобы помочь с прорванной трубой. Они тогда до утра вытирали воду с пола, смеялись, пили чай на кухне, и он впервые подумал, что мог бы остаться. Но не остался. А теперь в той квартире было темно и тихо. И он не мог туда вернуться.

Он достал из ящика тумбочки старую фотографию. Полина стояла на фоне полицейской машины, в бронежилете, и смеялась — запрокинув голову, как всегда. Он не помнил, кто сделал этот снимок. Кажется, кто-то из опергруппы, после удачной облавы. Тогда они задержали двоих, и Полина сказала: «Командир, у тебя кровь на рукаве». Он ответил: «Не моя». Она засмеялась, и кто-то нажал на кнопку.

Кирилл провёл пальцем по краю снимка. Бумага истрепалась — он доставал фотографию почти каждое утро. Посмотрел на её лицо — живое, улыбающееся — и убрал обратно в ящик. Не здесь. Не сейчас. Сегодня очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Первое открытие портала он встретил с недоверием. Смотрел на мерцающий прямоугольник, на выходящих из

него людей — точные копии тех, кто уже жил по эту сторону. Учёные говорили о параллельной Земле, о сдвиге времени на две минуты. Журналисты называли это чудом. Кирилл просто смотрел на лица прибывших — спокойные, ровные, без единой эмоции. Они не улыбались. Никто не придавал этому значения. А он придавал.

На тумбочке у кровати осталась кружка с отбитой ручкой. Белая, с кривоватой буквой «К». Бросил на неё взгляд, прощаясь до вечера.

В коридоре пахло хлоркой и приторным яблочным освежителем. Свет люминесцентных ламп заливал бетонные стены ровным, безжизненным белым. Кирилл пошёл к КПП, сжимая термокружку в руке. Сегодня очередное открытие портала. Очередная партия Эхо. Очередные лица без улыбок.

Комната наблюдения встретила его прохладой кондиционера и запахом старого пластика. Кирилл сел за пульт — пластик был протёрт до металла в том месте, где он привык класть левую руку. Мониторы уже работали, показывая пустой сектор приёма. Оранжевая разметка, прожекторы, серый бетон с тёмными пятнами, которые не выводились уже два года.

— Ты сегодня рано.

Сара Миллер сидела за соседним пультом, закинув ногу на ногу. Носок туфли покачивался вверх-вниз, вверх-вниз — привычный ритм, который Кирилл слышал каждое утро.

Она уже прогоняла списки ожидаемых, но при его появлении оторвалась от экрана. Её взгляд задержался на нём чуть дольше обычного — она всегда так смотрела, когда замечала, что он не выспался.

— Опять? — спросила она тихо, без обычной шутливости в голосе.

Кирилл знал, о чём она. Он проговорился однажды — после особенно тяжёлой ночи, когда кошмар разбудил его дважды. Она тогда ничего не сказала, просто налила ему кофе и не задавала вопросов. С тех пор она всегда замечала. И он каждый раз жалел, что не смог промолчать.

— Всё в порядке, — ответил он, отводя взгляд.

— Ну да, конечно. — Она не поверила, но настаивать не стала. Вместо этого наклонилась, достала из сумки бумажный пакет и протянула ему. — Попробуй. Домашние. А то казённая еда на тебя плохо влияет.

Он заглянул в пакет. Кексик. Ещё тёплый, с лёгким запахом ванили. Она пекла каждую неделю — говорила, что это её способ не сойти с ума в этом бетонном мешке. Иногда приносила ему, и он не мог отказаться. Во-первых, это действительно было вкусно. Во-вторых, это было человечно. А человечности на этой базе не хватало.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она вернулась к экрану. Нога снова закачалась — вверх-вниз, вверх-вниз. Но через несколько секунд ритм сбился.

Микропауза. Почти незаметная, но Кирилл заметил. Он провёл с ней бок о бок два года и знал этот ритм как свой собственный.

— Что-то случилось? — спросил он.

Сара помедлила. Её пальцы замерли над клавиатурой. Потом она вздохнула — коротко, почти беззвучно.

— Сестра. Вступила в секту. «Дети Портала». Теперь считает, что Эхо — ангелы, а портал — врата рая.

— Сочувствую.

— Не надо. — Она покачала головой. — Она взрослая. Сама выбрала. Но... — Сара замолчала, подбирая слова. — Когда мы были детьми, она боялась темноты. Приходила ко мне в комнату, залезала под одеяло и спрашивала: «Сара, а что если там кто-то есть?» А теперь она верит, что «там» — рай. Может, это одно и то же. Страх и вера.

Кирилл не знал, что ответить. Он откусил ещё кусочек кексика, просто чтобы занять руки. Потом сказал:

— Ты не виновата.

— Я знаю. — Сара вернулась к экрану. — Но всё равно.

Кирилл откусил ещё кусочек кексика. Сара молчала, глядя в монитор, но он чувствовал — она хочет что-то сказать.

— Ты что-то заметила? — спросил он. — В данных по этому циклу?

— Не в этом. — Она помедлила. — В предыдущих. Я просматривала старые отчёты — рутина, сверка списков. И заметила странность. Некоторые Эхо, которые выходили в про-

шлых циклах, предсказывали катастрофы с такой точностью, будто... будто они сами их видели. Не за две минуты, а за недели. Я спрашивала у научного отдела — они сказали, что это статистическая погрешность.

— Ты им не поверила.

— Нет. Но у меня не было доказательств. — Она повернулась к нему. — Теперь, когда ты говоришь про Полину... может, это и есть доказательство. Может, всё, что мы знаем об Эхо — неправда.

Она замолчала, взглядываясь в монитор. Кирилл заметил, как она чуть нахмурилась, пробегая глазами по данным. Что-то привлекло её внимание, но она ничего не сказала — просто продолжила работу.

Сирена взвыла в третий раз. До открытия — пятнадцать минут.

Кирилл допил остатки кофе и поставил термокружку на подставку рядом с монитором. Металл был уже едва тёплым. Он подошёл к бронированному стеклу, заложив руки за спину. Сектор приёма внизу был пуст — одиннадцать на одиннадцать метров бетона, ярко-оранжевая разметка, четыре прожектора под потолком. Пятна на бетоне у дальней стены казались темнее обычного. Или это свет так падал.

— Волнуешься? — спросила Сара, не оборачиваясь.

— Нет.

— Врёшь.

Он не ответил. Она была права. Каждое открытие портала

было как прыжок в неизвестность — не для него, для тех, кто выходил оттуда. Он просто стоял за стеклом и смотрел. Но сегодня что-то было иначе. Какое-то предчувствие, которому он не мог найти названия.

Сирена взвыла в последний раз.

Портал открылся ровно в восемь утра. Без звука. Без вспышки. Просто воздух в центре бетонного квадрата начал мерцать — как над раскалённым асфальтом в пустыне, хотя температура в секторе не поднималась. Мерцание сгустилось в прямоугольник. Края подсвечивались слабым голубым — тем оттенком, который не встречается в природе. Учёные называли это «черенковским излучением вакуума». Кирилл называл это «дыркой в реальность».

Первая вышла женщина. Короткая стрижка, лицо без морщин — как у всех Эхо. Она не оглядывалась. Просто шагнула на разметку и замерла, ожидая дальнейших указаний.

Второй — высокий темнокожий мужчина. Пустой взгляд, какой бывает у людей после долгой болезни.

Третья, четвёртая, пятая, шестая. Все — с одинаковыми лицами. Не внешне. Внутренне. Как будто кто-то стёр с них всё лишнее и оставил только форму.

Седьмая вышла последней.

Она двигалась медленнее остальных. Невысокая, хрупкая, но с той особой осанкой, которую Кирилл узнал бы из тысячи. Длинные волосы убраны в хвост — так она делала всегда,

когда готовилась к серьёзному разговору. Или к штурму.

Она остановилась на разметке. Подняла голову.

И Кирилл увидел её лицо.

Кровь отлила от лица. Он почувствовал, как пальцы, сжимавшие термокружку, онемели — не от холода, а от шока. Сердце ударило в груди — раз, другой, третий — и замерло, словно забыв, как биться дальше. Он стоял, не в силах отвести взгляд, и мир вокруг сузился до одного лица. Её лица. Полины.

Она была точно такой, как он запомнил. Не как на фотографии — как в тот последний миг, когда она улыбнулась ему из машины скорой. Та же родинка над бровью. Тот же шрам. Те же длинные, музыкальные пальцы, которые он держал в своей руке, пока они не остыли.

Шрам на левой щеке. Тонкий, белый — от осколка стекла, который он вытащил своими руками. Родинка над левой бровью — та самая, которую она всегда замазывала тональным кремом. Пальцы правой руки — длинные, музыкальные, как у пианистки, хотя она никогда не играла.

«В следующий раз, командир».

Следующего раза не было. Но она стояла здесь.

А потом она улыбнулась. Не сразу — будто дала ему время узнать себя. Будто ждала, пока он осознает. Уголки её губ дрогнули, и на лице появилась та самая улыбка. Спокойная, почти тёплая. Как старым друзьям. Как будто ничего не случилось. Как будто она не умирала у него на руках два года

назад.

— Кто это? — голос Сары донёлся как сквозь толщу воды.

Он смотрел на шрам, на родинку, на пальцы, которые когда-то держал в своей руке, пока они не остыли.

— Полина, — выдохнул он наконец. — Мой напарник. Она погибла два года назад. За два месяца до первого открытия портала.

Сара встала со своего места. Её нога больше не качалась.

— Этого не может быть, — сказала она. Голос был твёрдым, но в нём слышалась тревога. — Эхо — это копии живых людей. Тех, кто существует здесь и сейчас. Ты сам знаешь протокол. Если Полина мертва...

— Она мертва.

— Тогда это не может быть её Эхо. Ты ошибаешься. Присмотришься внимательнее.

Термокружка выпала из его руки. Металл гулко ударился о пол, отскочил, покатился. Кофе растёкся тёмной лужей по линолеуму.

— Значит, она жива, — сказал Кирилл. Голос прозвучал ровно, почти спокойно. Чужой голос. Он поднял руку и указал на мерцающий прямоугольник. — Жива там.

Женщина за стеклом всё ещё улыбалась. Той самой улыбкой. Спокойной, почти тёплой. Как будто ничего не случилось. Как будто она не умирала.

Кирилл нагнулся, поднял термокружку. Металл был холодным. Кофе вылился весь.

Сирена взвыла снова. До закрытия портала — час двадцать.

Глава 2

Зона прибытия гудела, как улей. Семь Эхо — шесть мужчин и одна женщина — стояли у терминалов, прикладывая пальцы к сканерам. Медперсонал в белых халатах сновал между ними, проверял показатели, делал пометки в планшетах. Пахло дезинфекцией — так всегда пахло после открытия портала, сколько бы ни работали вытяжки.

Кирилл стоял у стены, сложив руки на груди, и наблюдал. Каждое Эхо проходило стандартную процедуру: сканирование отпечатков, забор крови, экспресс-тест на совпадение ДНК с базой. Потом — карантинный блок, потом — медицинский осмотр, потом — допрос. Его допрос. Час на каждого, иногда больше. За два года он провёл сто двадцать таких допросов и не пропустил ни одного.

— Кирилл.

Сара подошла неслышно, планшет в руке. Она больше не качала ногой — когда работала с данными, то замирала вся, превращаясь в статую.

— Что у тебя?

— Отпечатки седьмой. — Она повернула экран к нему. — Совпадают с оригиналом. Полина. Твой напарник.

Он ждал чего-то подобного. И всё же внутри что-то оборвалось и упало в пустоту.

— Ты уверена?

— Система ошиблась бы на доли процента. Здесь совпадение полное. Это её отпечатки. — Сара помолчала. — Но она мертва, Кирилл.

— Знаю.

— Тогда как...

Договорить она не успела. Коммутатор на поясе Кирилла завибрировал. Он поднёс его к уху.

— Волков. Срочно. МРТ-3. — Женский голос, сухой, без предисловий. И отбой.

Кирилл опустил коммутатор.

— Кто это? — спросила Сара.

— Не знаю. Но, кажется, меня ждут.

Медицинский блок встретил его холодом кондиционеров. Кирилл прошёл по коридору до двери с табличкой «МРТ-3» и толкнул её.

В лаборатории царил рабочий беспорядок. Мониторы, клавиатуры, стопки распечаток громоздились на столе. В углу — засохшая орхидея в горшке. За пультом сидела женщина лет тридцати, азиатка, с усталыми глазами и собранными в пучок волосами.

— Это вы меня вызвали? — спросил Кирилл.

— Да. Садитесь.

Он опустился на стул рядом с пультом. Женщина развернула экран к нему.

— Я Лин Чжан, технический специалист. Я просмотрела

сканы всех семерых. Хочу, чтобы вы посмотрели.

На экране возникло изображение мозга — серая масса, похожая на морского конька. Лин ткнула пальцем в определённый участок.

— Это гиппокамп. Здесь должна быть зубчатая извилина. У всех ста двадцати Эхо её нет. И у седьмой — тоже.

— Что это значит?

— Это значит, что они не могут формировать новые воспоминания. Не могут учиться. Не могут чувствовать.

— Седьмая улыбнулась. Смотрела на меня и улыбалась. Эхо так не делают.

Лин повернулась к нему, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Я проверила. У других эмоциональных реакций нет. Только у неё. И есть ещё кое-что.

Она открыла другой файл — видео. Седьмая сидит на стуле в медицинском кабинете, медсестра берёт у неё анализы. В какой-то момент она поднимает руку и начинает крутить прядь волос. Движение быстрое, почти автоматическое.

У Кирилла перехватило дыхание. Не от удивления — от узнавания. Где-то внутри этой копии застрял осколок настоящей Полины. Её привычка. Её жест перед каждым штурмом.

— У неё есть привычка, — сказала Лин. — У других ничего подобного нет.

— Что это значит?

— Она сохранила что-то от оригинала. Тот, кто их создаёт, не смог стереть. Или не заметил.

Кирилл смотрел на застывшее лицо на экране. Потом перевёл взгляд на Лин. Она сидела, подавшись вперёд, и в её глазах горел холодный, сосредоточенный огонь. Он уже видел такой огонь — у следователей, которые напали на след. И у людей, которые потеряли кого-то и не могли остановиться.

— Почему вы копаете? — спросил он. — Зачем вам это?

Лин взяла кружку, сделала глоток. Кирилл заметил, что на её руке не хватало фаланги на мизинце левой руки — старая травма. Она перехватила его взгляд и чуть нахмурилась, но ничего не сказала. Вместо этого поставила кружку и повернулась к нему всем корпусом.

— Вы должны понимать, с чем имеете дело. Портал — это пространственно-временная аномалия. Физики до сих пор спорят, что именно он собой представляет. Одни говорят — параллельная Земля, где время идёт на две минуты быстрее. Другие — что это «хвост» нашей собственной временной линии, где будущее уже случилось. Правды не знает никто.

Она открыла на экране схему — график с двумя линиями, пересекающимися в точке «Портал».

— Каждые 37 дней он открывается на выход. Это те четыре минуты, когда прибывают Эхо. Вы это знаете. Но есть и другой цикл.

— Какой?

— Каждые семь дней портал открывается на вход. Нена-

долго — на несколько секунд. Этого достаточно, чтобы туда проникнуть. — Она помолчала. — Несколько человек пытались. Никто не вернулся.

Кирилл слушал молча.

— Мы не знаем, что происходит с телом на той стороне. Есть гипотезы — одна страшнее другой. Гарсия считал, что время там идёт иначе: наши секунды — это часы или дни там. Но подтвердить это нечем. Мы даже не знаем, можно ли там дышать.

— Но вы даёте мне карту, — сказал Кирилл. — Значит, считаете, что у меня есть шанс. Почему?

Лин помолчала. Потом развернула на экране другой файл — медицинскую карту. Его медицинскую карту.

— Аллергия на нейроинтерфейс. Я проверила. У вас врождённая несовместимость с Кортексом. Мозг отторгает любые попытки цифрового подключения. — Она закрыла файл. — Гарсия считал, что порталом управляет некто... или нечто... с иной формой сознания. Он не успел доказать свою гипотезу. Но он был уверен, что это существо взаимодействует с людьми через нейроинтерфейсы. Читает, контролирует, отдаёт команды.

— А я для него — слепое пятно.

— Возможно. — Лин посмотрела на него. — Гарсия считал, что человек с такой особенностью может пройти незамеченным.

Она замолчала. Её пальцы коснулись кружки, но не под-

няли её — просто легли на ободок, словно ища опоры.

— Мой коллега Гарсия, — сказала она наконец. — Мы работали вместе. Он был старше меня на пятнадцать лет. Носил смешные свитера, которые вязала его жена. Каждое утро приносил мне чай — говорил, что я слишком много работаю и забываю есть. Когда его нашли мёртвым, я не плакала. Я пошла в его лабораторию и скопировала все файлы. Плакать было некогда. А потом... потом я поняла, что даже не помню, сказала ли ему «спасибо» за тот чай. За всё время — ни разу.

Она замолчала. Её пальцы на кружке побелели.

— Гарсия был учёным. Не следователем, не солдатом. Он изучал аномалии, строил гипотезы, проверял расчёты. А потом начал копать. Я видела, как это его меняет. Он перестал спать, перестал улыбаться. Я пыталась его остановить. Говорила, что это не его дело, что он не должен лезть туда, где опасно. — Она подняла глаза на Кирилла. — Он не послушал. А я... я не настояла. Думала, обойдётся.

— Вы не могли знать.

— Могла. Я видела, как он уходил в тот вечер. Он был напуган. Я спросила: «Что случилось?» Он ответил: «Ничего. Всё в порядке». Я поверила. — Она помолчала. — На похоронах я видела его жену. Она держала за руки двоих детей — мальчика и девочку. Они не плакали. Просто стояли и смотрели в землю. И я поняла, что это я должна была настоять. Должна была остановить его. Но не сделала.

Кирилл молчал. Он знал это чувство — вину перед теми,

кого не уберёт. Оно никогда не проходит. Просто становится тише.

— Вы — следователь, — сказала Лин. — Вы умеете копать. Вы умеете доводить дело до конца. Гарсия не умел. Он был учёным — он искал истину, а не виновных. А истина его убила. — Она посмотрела Кириллу прямо в глаза. — Если вы доведёте это до конца, его смерть будет не напрасной. И я смогу... — Она запнулась. — Я смогу хотя бы отдать его жене ответ. Не деньги, не соболезнования. Ответ.

Она открыла ящик стола и достала маленькую нейрокарту. На секунду задержала её в пальцах, словно взвешивая. Потом протянула Кириллу.

— Это сигнатура. Я нашла её в тех файлах. Если вы когда-нибудь попадёте на ту сторону... Возможно, она вам пригодится. Большого я вам сказать не могу.

Кирилл взял карту. Золотистые контакты блеснули под лампой.

— С чего вы взяли, что я пойду туда?

Лин посмотрела на него — не на экран, не на карту, а прямо в глаза. Потом перевела взгляд на монитор, где всё ещё горела карточка седьмой.

— Вы смотрели на неё. Вы знакомы с оригиналом? — Она не стала дожидаться ответа. — Не отвечайте, я знаю этот взгляд. Вы пойдёте за ней.

Кирилл спрятал карту в нагрудный карман.

— Я подумаю.

— Не думайте слишком долго. Каждые семь дней портал открывается на вход, но никто, кто пытался проникнуть туда, не возвращался.

— Я не знал об этом.

Лин промолчала. Она просто повернулась к экрану.

Кирилл вышел из лаборатории и остановился в коридоре. Сжал нейрокарту в кармане — острые края пластика впились в ладонь. Боль отрезвляла.

«Никто не возвращался».

Он знал, что идёт на риск. Знал с того самого момента, как увидел её улыбку. Но теперь риск обрёл цифры, статистику, голос Лин — сухой, бесстрастный, как медицинский отчёт.

Он посмотрел на часы. Через час — допрос. Его первый допрос Эхо, которое когда-то было Полиной.

«Вы пойдёте за ней».

Лин не ошиблась. Он уже шёл.

Кирилл стоял перед дверью. Табличка «Комната 7» — простая, казённая, как и всё в этом здании. Он смотрел на неё и считал вдохи.

Один. Два. Три.

На «три» он вспомнил, как она впервые назвала его командиром. Они стояли под дождём после облавы, и она сказала: «Командир, у тебя кровь на рукаве». Он ответил: «Не моя». Она улыбнулась — той самой живой улыбкой.

Четыре. Пять.

На «пять» он понял, что боится. Не того, что она скажет.

Того, что он увидит в её глазах — ту же пустоту, что у остальных. Или, хуже, что-то знакомое. Что-то, что заставит его забыть, что она — не она.

Он толкнул дверь.

Полина сидела за пластиковым столом. Никаких наручников — протокол не требовал. Эхо не проявляли агрессии. Они вообще ничего не проявляли. Прямая спина, взгляд перед собой. Он уже видел эту осанку — так она сидела перед каждым штурмом, когда всё было проверено и оставалось только ждать.

Он сел напротив. Достал диктофон, положил на стол. Красный огонёк замигал.

— Допрос ведёт Кирилл Волков, начальник отдела верификации ОСПБ. Присутствует Эхо номер семь.

Он поднял глаза. Она смотрела прямо на него — без страха, без интереса. И молчала. Просто ждала вопроса.

— Назовите своё имя.

— Полина.

Голос. Тот самый — мягкий, с лёгкой хрипотцой. У него сжалось горло. Он заставил себя продолжать.

— Вы знаете, где находитесь?

— Объединённая служба приёма беженцев. Невада. Сектор 7.

— Откуда вы это знаете?

— Мне сказали медики.

Кирилл отложил ручку. Смотрел на неё — на её лицо, на

руки, которые лежали на столе. Её пальцы крутили прядь волос — быстро, нервно. Та самая привычка. Он знал, что она не осознаёт этого. Просто тело помнило то, что сознание забыло.

— Вы помните, что было до того, как вы вошли в портал?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Пустота.

— А момент перед пустотой?

Полина на секунду замерла. Её пальцы перестали крутить прядь.

— Зачистка. Мы зашли по двое. Я впереди. Дверь. Стук. Я крикнула «чисто». Потом — ничего.

У Кирилла перехватило дыхание. Это был тот самый момент. Она помнила его. Не свою смерть — но последние секунды перед ней. Он откашлялся, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Вы улыбнулись. Там, в секторе приёма. Когда вышли из портала. Вы помните это?

Полина посмотрела на него — и в её глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на замешательство.

— Я не помню, чтобы улыбалась.

— Вы смотрели прямо на меня. И улыбались.

Она молчала. Потом опустила глаза на свои руки.

— Я не помню этого. Может быть, это была не я.

— А кто?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что я делаю что-то не по своей воле. Как будто кто-то другой управляет моим телом. А я просто смотрю.

Кирилл откинулся на спинку стула. В комнате было тихо — только гул вентиляции за стеной и шорох её пальцев, снова крутивших прядь. Он смотрел на неё и думал о том, что эта женщина — не Полина. Она помнила факты, но не помнила чувств. Помнила зачистку, но не помнила, как держала его за руку в машине скорой. Помнила слова, но не помнила улыбки, с которой они были сказаны.

— Можно вопрос? — спросила она.

Кирилл удивлённо поднял глаза. За два года ни одно Эхо не просило разрешения задать вопрос. Они отвечали — да. Выполняли команды — да. Но не спрашивали.

— Один.

— Вы знали меня. Ту, другую. — Она не спрашивала, она утверждала. — Какая она была?

Кирилл молчал. Слова застряли в горле. Он мог бы сказать: «Она была смелой». Или: «Она никогда не сдавалась». Или: «Она крутила прядь волос, когда нервничала, и ты делаешь то же самое». Но всё это было бы правдой и неправдой одновременно. Потому что правда была в другом — в том, что он боялся произнести даже сейчас, даже после её смерти.

— Она была моим напарником, — сказал он.

Полина посмотрела на него долгим взглядом. И в этом взгляде ему почудилась тень той, прежней Полины — не

узнавание, нет. Скорее отблеск. Словно она чувствовала, что за этими словами скрыто нечто большее.

— Этого недостаточно, — сказала она тихо.

Кирилл выдержал её взгляд.

— Знаю.

Он выключил диктофон. Встал. Направился к двери.

— Мы ещё поговорим, — сказал он, не оборачиваясь.

В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Она была там, за дверью. Живая, тёплая, дышащая. И совершенно чужая.

Глава 3

Кирилл вышел из допросной в половине одиннадцатого. В голове всё ещё звучал её голос. «Этого недостаточно». Он знал, что недостаточно. Он знал, что она — копия, черновик, оттиск с оригинала. Но где-то внутри, в той части мозга, которая не подчинялась профессиональным протоколам, он всё ещё слышал её смех. Живой смех. Не тот, что прозвучал из портала, — чужой, запрограммированный. А настоящий.

Лин сказала: Гарсия мёртв. Сара подтвердила: отпечатки совпадают. Две улики, которые не складывались в картину, но указывали в одну сторону — в кабинет Моргана. Кирилл не доверял генералу. Но Морган был единственным, кто мог дать ответы. Или хотя бы приказать остановиться. И тогда он бы знал, что копает в правильном направлении.

Он не стал стучать.

В кабинете пахло табаком, хотя Морган не курил. Запах въелся в шторы, в обивку стула, в бумаги на столе — словно призрак прежних совещаний, когда здесь ещё собирались люди, а не функционеры. На стене висела карта мира с красными булавками. Сотни булавок. Тысячи спасённых жизней.

Морган сидел за столом. Без пиджака, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Перед ним — пустой стакан и графин с водой. Ни кофе, ни виски. Только вода. Кирилл знал, что это

не аскетизм. Это дисциплина. Морган держал себя в форме, потому что стоило расслабиться — и всё, что он знал, раздавило бы его.

— Седьмая, — сказал Кирилл. — Полина. Мой бывший напарник. Она погибла два года назад. За два месяца до первого открытия портала.

Морган отставил графин. Посмотрел на Кирилла — прямо, без удивления.

— Я видел её досе. Хороший была следователь.

— Она мертва. А сегодня вышла из портала. Как это возможно?

— Никак. То, что вышло из портала — не она. Эхо — не люди. Ты это знаешь.

— Откуда ты знаешь?

Морган взял стакан, но пить не стал. Просто держал в руке, глядя на воду.

— Что ты знаешь о смерти Гарсии?

Морган поднял глаза. В них мелькнуло что-то — не страх, не вина. Скорее, тень удивления. Словно он ждал этого вопроса и боялся его.

— Гарсия. Да. Он пришёл ко мне полтора года назад. Сказал, что Эхо — не беженцы. Что это копии. Что оригиналы, возможно, остаются на той стороне. Я спросил, что будет, если закрыть портал. Он ответил: «Через месяц землетрясение в Токио. Триста тысяч погибших».

Морган замолчал. Кирилл ждал.

— Я дал ему неделю на анализы. Через неделю его нашли мёртвым. Инфаркт.

— Ты веришь в это?

— Нет. — Морган впервые за весь разговор посмотрел Кириллу прямо в глаза. — И ты не веришь.

— Кто его убил?

— Те, кому выгодна работа портала. Те, кто не хочет, чтобы правда вышла наружу. — Морган помолчал. — У меня нет доказательств. Но есть догадки. И эти догадки не дают мне спать по ночам.

— И ты ничего не сделал.

— Я сделал выбор. Я выбрал жизнь. Трёхсот тысяч живых здесь и сейчас. Против неизвестного там. — Морган поставил стакан, так и не сделав глотка. — Это не оправдание. Это факт. Я администратор. Я считаю цифры. Страдание не имеет веса в расчётах Совета Безопасности.

Морган замолчал. Его правая рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак — Кирилл видел, как побелели костяшки. Когда он заговорил снова, голос был тише и глуше.

— Я сплю по три часа в сутки. Иногда не сплю совсем. Сижу здесь, смотрю на эту чёртову карту и думаю: каждая булавка — спасённая жизнь. Тысячи людей, которые никогда не узнают, что могли погибнуть. — Он разжал кулак и посмотрел на свою ладонь. — И цена. Я знаю цену. Гарсия знал. Ты теперь тоже знаешь.

Он поднял глаза на Кирилла. В них больше не было уста-

лости. Было что-то другое — то, что Кирилл видел у людей, которые прошли через ад и не надеялись выбраться.

— Я не оправдываюсь. Я просто хочу, чтобы ты знал: я плачу эту цену. Каждый день. И она не становится меньше.

Он поднял глаза на Кирилла.

— Если бы портал был закрыт — ты бы сделал этот выбор?

Кирилл молчал. Он мог бы сказать: «Нет». Или: «Я не знаю». Но и то, и другое было бы ложью. Потому что он не был администратором и никогда не считал человеческие жизни цифрами. Но он не мог и осудить Моргана — потому что сам ещё не стоял перед таким выбором.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я хочу узнать правду.

Морган кивнул — медленно, словно соглашаясь с чем-то, что давно решил про себя.

— У тебя есть семь дней. Следующее открытие портала на вход — через неделю. Те, кто пытался войти, не возвращались. Но у тебя есть то, чего не было у них.

— Аллергия на Кортекс.

— Да. Гарсия считал, что человек с такой особенностью может пройти незамеченным. — Морган помолчал. — Я не знаю, правда это или нет. Но это единственный шанс, который у нас есть.

— У нас?

— У тебя. Я своё уже сделал. — Морган взял графин, на-

лил воды — впервые за весь разговор. Протянул стакан Кириллу. — Твой допуск остаётся. Я освобождаю тебя от текущих обязанностей. Если кто-то спросит — ты выполняешь специальное поручение. Если будут копать — я прикрою.

Кирилл взял стакан, но пить не стал. Просто держал в руке, чувствуя холод стекла.

— А если я не вернусь?

— Тогда я ничего не знал. Ты действовал по собственной инициативе. Я не смогу тебя защитить посмертно. — Морган помолчал. — Но я смогу сохранить твой допуск активным до последнего. На случай, если тебе понадобится информация перед входом.

Кирилл поставил стакан на стол. Вода осталась нетронутой.

— Семь дней.

— Семь дней.

Кирилл вышел из кабинета Моргана. Закрыв за собой дверь — мягко, без щелчка. В коридоре горел тусклый аварийный свет. Часы на стене показывали начало двенадцатого. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. А потом — портал.

Он ещё не знал, что скажет Полине. Или той, кто носил её лицо. Он не знал, хватит ли ему этих семи дней, чтобы найти ответы, или он просто потратит их на подготовку к тому, чего нельзя подготовить. Но он знал, что уже не остановится.

В конце коридора кто-то стоял.

Лин. Она ждала, прислонившись к стене. Без халата, в простой тёмной водолазке. Кружки в руках не было. Только усталые глаза, которые смотрели на него с тем же выражением, что и там, в лаборатории — без страха, но с пониманием.

— Вы говорили с Морганом, — сказала она. Не спрашивала — констатировала.

— Говорил.

— Он рассказал про Гарсию?

— Рассказал. И про выбор.

Лин кивнула, словно ожидала именно этого.

— Я не знаю, что он вам предложил. Но я знаю, что вы согласились. — Она посмотрела на него. — У вас есть семь дней. Я могу подготовить то, что знаю. Данные, файлы, протоколы. Всё, что осталось после Гарсии.

— Вы рискуете не меньше меня, — сказал Кирилл. — Если те, кто убил Гарсию, узнают, что вы передали мне файлы...

— Я знаю. — Лин не дала ему договорить. — Но я уже рискнула. Когда скопировала файлы Гарсии в ту ночь. Когда начала искать аномалии. Когда вызвала вас сегодня. — Она чуть усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — Я перестала бояться в тот день, когда стояла на похоронах и смотрела на его детей. Страх кончился. Осталось только... — Она запнулась, подбирая слово. — Обязательство.

— Зачем?

— Потому что если не я — то кто? — Она чуть усмехнулась — горько, без веселья. — Я уже слышала этот вопрос

от вас. Теперь задаю его сама.

Кирилл смотрел на неё. На её руки, которые она держала в карманах водолазки. На усталые глаза, в которых горел холодный, сосредоточенный огонь. Она не была солдатом. Она была учёным. Но она была здесь — и она не уходила.

— Есть кое-что ещё, — сказала Лин. — Сегодня утром, ещё до открытия портала, в мою лабораторию приходили двое. В штатском. Показали предписание — плановая проверка. Обыскали стол, шкаф, компьютер. Спрашивали про файлы Гарсии.

— Кто их прислал?

— Предписание было за подписью Моргана. — Она помолчала. — Но когда я спросила его об этом после обеда, он сказал, что ничего не подписывал.

Кирилл замер. Две версии. Одна и та же подпись. Морган сказал ему в кабинете: «Я выбрал жизнь». Но если он лгал — если он сам приказал обыскать лабораторию Лин — значит, его выбор был не таким пассивным, как он пытался показать.

— Ты веришь ему?

— Не знаю. — Лин покачала головой. — Но я знаю, что кто-то подделал его подпись. Или он лжёт. В обоих случаях это значит, что кто-то следит за нами.

— Или за мной.

— Или за вами. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Вы задаёте те же вопросы, что и Гарсия. Он тоже начал с аномалий. А закончил мёртвым в гостиничном номере.

Кирилл молчал. В коридоре было тихо — только гул вентиляции и редкие шаги где-то за поворотом.

— Мне нужно время, — сказал он наконец. — Разобраться в том, что ты дала. Поговорить с Полиной ещё раз. Проверить, что Морган сказал правду.

— А если не сказал?

— Тогда я узнаю. И тогда у меня будет на одного врага больше.

Лин сунула руку в карман водолазки и достала сложенный лист бумаги.

— Вот. Копия предписания. Я сделала скан до того, как они забрали оригинал. Может, пригодится.

Кирилл взял лист, развернул. Подпись Моргана в правом нижнем углу — размашистая, с характерным наклоном. Он не мог сказать, подлинная она или нет. Но теперь у него была ещё одна улика.

— Завтра, — сказал он, пряча лист в карман. — В лаборатории. Принеси всё, что знаешь.

Лин коротко кивнула. Развернулась и пошла по коридору. Её спина была прямой, шаги — быстрыми. Но у поворота она на секунду замедлилась, словно хотела что-то добавить.

— Кирилл.

Он обернулся.

— Гарсия тоже думал, что у него есть время. Не повторяйте его ошибок.

Она свернула за угол. Шаги стихли.

Глава 4

Лаборатория Лин, 08:00

В лаборатории было холодно — кондиционер работал на полную мощность, хотя за окном пустыня ещё не успела нагреться. Кирилл пришёл без пяти восемь, но Лин уже сидела за пультом. Перед ней на столе лежали три предмета: пластиковая папка с файлами, знакомая чёрная флешка с потёртостями и сложенный лист бумаги.

— Вы не опоздали, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я никогда не опаздываю.

— Это хорошо. Потому что времени мало.

Она развернулась к нему вместе со стулом. Под глазами залегли тени — она не спала. Кирилл заметил, что засохшая орхидея на подоконнике исчезла. На её месте стояла только пустая банка из-под растворителя с засохшей кисточкой внутри. Пахло старыми бумагами и реактивами — запах, который въедается в одежду и не выветривается даже после стирки.

— Это всё? — спросил он, кивнув на стол.

— Всё, что осталось от Гарсии. — Она подвинула папку.

— Протоколы наблюдений за порталом. Частотный анализ.

Гипотезы о природе аномалии. Я не всё понимаю — там есть разделы, которые он не успел закончить. Но основное здесь.

Кирилл открыл папку. Первая страница — схема мозга, размеченная цветными маркерами. Дальше шли графики, таблицы, распечатки переписки.

— А это? — Он взял флешку.

— Записи с камер наблюдения за ночь его смерти. На основном сервере их удалили через час после того, как объявили об инфаркте. Я нашла копию в резервном хранилище.

— Кто удалил?

— Не знаю. Но на записи видно, кто выходил из его кабинета в ту ночь.

Кирилл взял флешку и вставил в коммутатор. Лин подвинулась, давая ему место, но не комментировала. Она уже видела эту запись. Теперь была его очередь.

В 01:47 Гарсия выходит из своего кабинета. Один. Идёт быстро, оглядывается — такой неуверенной походки Кирилл никогда не видел у учёных.

— Куда он идёт?

— В архив. За бумажными копиями. Он не доверял серверам. Говорил: «Если я умру, кто-то найдёт мои записи. Даже если они будут лежать в коробке из-под обуви».

Кирилл промолчал. Гарсия знал, что умрёт. Или подозревал.

В 02:15 Гарсия возвращается. В руках — папка, которую он прижимает к груди, как ребёнка. В 02:18 заходит в каби-

нет. В 02:20 из кабинета выходит другой человек.

Кирилл остановил запись. Увеличил изображение.

Мужчина. Среднего роста. В форме ОСПБ, но без знаков различия. Лица не видно — камера снимала сверху, и он опустил голову ровно настолько, чтобы остаться в тени.

— Он знал, где камера, — сказал Кирилл.

— Да. Он не случайно опустил голову. Знал угол обзора. — Лин наклонилась к экрану и ткнула пальцем в рукав мужчины на стоп-кадре. — Вот здесь, на рукаве. Пятно. Я подняла записи с камер за предыдущие смены. На форме Ричарда Коула, который дежурил в ту ночь, такое же пятно видно за два дня до убийства и за день до него. На том же месте. Той же формы.

— Кофе? Грязь?

— Не знаю. Но это идентификатор.

Кирилл выключил запись.

— Что ещё известно о Коуле?

— Уволился через неделю после смерти Гарсии. Исчез. Ни счетов, ни перелётов, ни звонков. — Лин помолчала. — Я подняла его личное дело. До ОСПБ служил в частной военной компании. Хорошая рекомендация от предыдущего командира. Ни одного взыскания.

Кирилл закрыл папку. Флешка всё ещё была в коммутаторе.

— Мне нужен адрес, — сказал он.

— Чей?

— Коула.

Лин покачала головой.

— Я уже искала. В личном деле — старый адрес, он съехал за месяц до увольнения. Нового нет. Счета закрыты, телефон молчит.

— А социальный номер?

— Есть. Но по нему ничего не проходит. Ни страховых выплат, ни медицинских записей. Как будто он перестал существовать.

Кирилл встал. Прошёлся по лаборатории — три шага до подоконника, три обратно.

— У тебя есть доступ к банковским транзакциям?

— Нет. Это закрытая база. Нужен ордер.

— Ордера у меня нет. Но есть кое-что другое.

Он достал коммутатор и набрал номер. Два гудка — ответили.

— Майклз. Это Волков. Ты ещё работаешь в IT-отделе?

— Пауза. — Нет, ничего серьёзного. Помнишь, ты был мне должен за тот покер? Пора платить.

Лин приподняла бровь. Кирилл прикрыл микрофон ладонью.

— Старый знакомый. Играет в покер лучше, чем администрирует серверы. Но доступ у него есть.

— Вы хотите взломать банковскую базу?

— Я хочу проверить, платил ли Коул за что-нибудь в последние дни. Аренду. Бензин. Мотель. Если он жив — он

где-то платил.

— Вы понимаете, что это нелегально?

— Понимаю. — Он убрал ладонь и заговорил в трубку: — Майклз, мне нужен социальный номер. Пробей по банковским транзакциям за последнюю неделю. Да. Я подожду.

Он положил коммутатор на стол и посмотрел на Лин. Она не выглядела убеждённой.

— Если Коул жив и прячется, он не станет светить картой, — сказала она.

— Станет. Если у него нет выбора. Если он скрывается не от полиции, а от тех, кто его нанял, — ему нужны наличные. Он мог снять их в банкомате. А банкомат — это адрес.

Лин молчала. Потом кивнула — не соглашаясь, но принимая правила игры.

— Хорошо. Пока вы ждёте ответа, я проверю кое-что ещё.

— Что?

— Предписание. То, с подписью Моргана. Я сравнила его с другими документами за его подписью. Наклон тот же, нажим тот же. Но есть одна деталь. — Она развернула экран. — Видите? Везде, где Морган ставит подпись, после росчерка остаётся микроточка — он на секунду задерживает ручку. А здесь её нет.

Кирилл наклонился к экрану. Две подписи рядом. Действительно — в одной микроточка после росчерка, в другой — чистый отрыв.

— Это подделка, — сказал он.

— Да. Очень хорошая. Но подделка.

Коммутатор завибрировал на столе. Кирилл поднял трубку.

— Да. — Он слушал, не перебивая. Лин смотрела на него, замерев. — Понял. Спасибо. Ты мне ничего не должен.

Он положил коммутатор и повернулся к Лин.

— Мотель «Ранчо». Лас-Вегас. Оплата картой, вчера вечером. Одна ночь.

— Это может быть не он, — сказала Лин. — Карту могли украсть. Или он мог дать её кому-то.

— Мог. Но других зацепок у нас нет. — Кирилл взял со стола флешку, папку, копию предписания. — Я еду в Вегас.

— Прямо сейчас?

— Сейчас. Если Коул там — я должен успеть раньше, чем те, кто его ищет.

— А если это ловушка?

— Тогда я хотя бы узнаю, кто её поставил.

Лин встала. Подошла к нему ближе.

— Вы понимаете, что рискуете?

— Понимаю.

— И всё равно идёте.

— Иду.

— Вы боитесь, — сказал Кирилл. Не спросил — констатировал.

Лин посмотрела на него. Её пальцы, державшие передатчик, чуть дрогнули.

— Да. — Она не стала отрицать. — Я боюсь, что вы не вернётесь. Что я снова буду стоять на похоронах — только на этот раз не перед женой Гарсии, а перед... — Она запнулась. — Перед пустым гробом. Потому что тела не будет. С той стороны не возвращаются.

— Я знаю.

— И всё равно идёте.

— Иду.

Она помолчала. Потом протянула ему передатчик — решительно, словно отрезая что-то.

— Тогда идите. И возвращайтесь. Я не хочу писать второе письмо с соболезнованиями.

Она помолчала. Потом протянула ему маленький прямоугольник — такой же, как нейрокарта, но с матовым покрытием.

— Это аварийный передатчик. Если попадёте в беду — нажмите. Я услышу. И, возможно, успею.

— Возможно?

— Никаких гарантий. Но это лучше, чем ничего.

Кирилл взял передатчик. Спрятал в нагрудный карман, рядом с нейрокартой.

— Спасибо.

— Не за что. — Она отвернулась к монитору. — Идите. И возвращайтесь.

Он вышел. В коридоре проверил ключи от машины — на месте. Четыре часа до Вегаса. Если повезёт — к вечеру он

будет знать, кто убил Гарсию. Если не повезёт — окажется в том же мотеле, но уже в качестве мишени.

Он зашёл в свою комнату — в последний раз перед дорогой. Бросил взгляд на кружку «К.» с отбитой ручкой — она стояла на тумбочке, как всегда. Белая, с кривоватой буквой. Он не взял её с собой. Только провёл пальцем по склеенному шву — быстро, почти машинально.

В ящике стола лежал старый пистолет — тот самый, с которым он прошёл ещё московские облавы. Он не брал его в руки два года. Сегодня достал, проверил магазин, передёрнул затвор. Патрон вошёл в патронник с сухим щелчком. Сунул пистолет в кобуру под курткой.

С термкружкой вышел в коридор. Запер дверь. Ключ оставил в замке — если не вернётся, пусть найдут быстрее.

Глава 5

Пустыня за окном была бесконечной — серой, выжженной солнцем, уходящей за горизонт. Кирилл выехал за ворота ОСПБ в начале первого и взял курс на юг, в сторону Лас-Вегаса. Четыре часа впереди. Четыре часа наедине с собой — этого он не хотел больше всего. Потому что в тишине салона начинали звучать голоса.

Он открыл окно. Горячий ветер ударил в лицо, принося запах пыли и сухой полыни. «Хонда» — старая, купленная здесь, в Неваде, два года назад — тянула ровно, без натуги. Она не была его машиной. Она была просто средством передвижения. Никаких воспоминаний, никаких ассоциаций. Он выбрал её именно поэтому.

«Этого недостаточно».

Полина. Её голос — тот самый, с лёгкой хрипотцой. Она сказала это и посмотрела на него — не как на следователя, а как на человека, который знал её настоящую. И он не смог ответить.

Он сжал руль. Мысли перескочили на другое — на то, о чём он не думал уже давно. Два года назад, когда портал только открылся, никто не понимал, что происходит. Военные оцепили квадрат в пустыне, учёные спорили о природе аномалии, журналисты называли это чудом. А потом из пор-

тала вышли первые Эхо — точные копии живых людей. Они предсказали катастрофу, которую никто не ждал. Потом ещё одну. И ещё. Мир начал им верить.

Кирилл тогда ещё работал в Москве. После смерти Полины он взял отпуск — сначала на неделю, потом на месяц, потом уволился совсем. Не мог находиться в городе, где всё напоминало о ней. Агент из Интерпола, с которым они когда-то работали по совместному делу, предложил место в ОСПБ. Нужен был следователь с опытом допросов, без привязки к какой-либо стране. Кирилл согласился, потому что это было лучше, чем сидеть в пустой квартире и слушать тишину.

Он приехал в Неваду через три месяца после первого открытия портала. К тому времени ОСПБ уже превратилась в международную бюрократическую машину: приём, верификация, распределение. Эхо прибывали каждые 37 дней — пять, семь, десять человек за цикл. Они предсказывали катастрофы с пугающей точностью: теракты в метро, сходы лавин в Альпах, наводнения в прибрежных городах. За два года — ни одного ложного предсказания. Тысячи спасённых жизней.

Но Кирилл с первого дня заметил то, чего не замечали другие. Эхо не улыбались. Они говорили, отвечали на вопросы, выполняли команды — но никогда не проявляли эмоций. Ни страха, ни радости, ни удивления. Как будто кто-то стёр с них всё лишнее и оставил только функцию.

Он докладывал об этом Моргану. Морган сказал: «Ты па-

раноик, Волков. Это их культурная особенность». Кирилл не спорил. Но продолжал наблюдать.

И вот теперь — Полина. Единственное Эхо, которое улыбнулось.

«Почему она? Почему сейчас? Что в ней такого, чего нет в других?»

Лин сказала: она сохранила привычку. Осколок оригинала. Может быть, улыбка — такой же осколок. А может быть, кто-то специально оставил его, чтобы Кирилл зацепился.

«Или чтобы я пошёл за ней».

Он потянулся к радио — старый приёмник, шипящий помехами. Поймал волну местной станции из Лас-Вегаса. Диджей говорил что-то о погоде, потом о пробках, потом:

«А теперь — экстренное сообщение. Эхо номер семь, прибывшее сегодня утром, сделало своё первое предсказание. Цитируем: "Через месяц объект диаметром около трёхсот метров войдёт в атмосферу над восточным Средиземноморьем. Точка падения — центральный Израиль". По предварительным расчётам, которые срочно провели в НАСА, речь идёт о метеорите. В Тель-Авиве уже началась паника. Тысячи людей пытаются покинуть страну. Раввины называют это "исходом" — говорят, что история повторяется, как во времена Моисея, когда народ уходил из Египта. Власти призывают сохранять спокойствие...»

А потом зазвучал её голос. Запись с терминала прибытия. Полина. Та самая, что несколько часов назад сидела напро-

тив него в комнате допросов — живая, тёплая, дышащая. Теперь её голос заполнил салон — монотонный, лишённый эмоций, словно диктовала сводку погоды. Он произносил слова, которые определяли судьбу целой страны, и не знал этого.

Кирилл выключил радио. Тишина вернулась. Теперь в ней не было голосов. Только шум двигателя и свист ветра в щелях дверей.

«Она предсказывает катастрофы. Она спасает тысячи. А я хочу понять, кто её создал — и зачем. И почему она улыбнулась именно мне».

Он выехал на прямой участок — ни машин, ни огней, только звёзды и чернота впереди. Включил радио. Старая частота, местная, вещала из Лас-Вегаса. Джаз. Кто-то играл на саксофоне медленно, тягуче.

Кирилл прибавил громкости. Не потому, что любил джаз. Потому что тишина в салоне становилась слишком плотной. В ней начинали звучать голоса, которые он не хотел слышать.

Через час солнце начало клониться к закату. Пустыня окрасилась в оранжевый и фиолетовый — цвета, которые не встречались в природе нигде, кроме Невады. Кирилл опустил козырёк, защищая глаза, и продолжал ехать.

Он посмотрел на часы на приборной панели. Ещё три часа до Вегаса. До мотеля «Ранчо» — три часа и пятнадцать минут. Он нажал на газ. «Хонда» послушно ускорила. Пустыня за окном оставалась серой, бесконечной, как время до

встречи с Коулом — или с теми, кто ждал его там вместо Коула.

Флешбэк Коула

Мотель «Ранчо». Несколько часов до прибытия Кирилла.

Комната 14 была маленькой и душной. Кондиционер не работал, и Коул сидел на кровати, сжимая в руке потухший коммутатор. Он не включал его уже вторые сутки — после того, как понял, что его ведут.

Он знал, что его найдут. Знал с того момента, как согласился на эту работу. Тогда, полтора года назад, всё казалось простым: охранять периметр, следить за камерами, выполнять приказы. Потом появился Гарсия — учёный, который слишком много знал. Коулу приказали его убрать. Он выполнил. Думал, что после этого его оставят в покое. Ошибся.

Те, кто его нанял, не оставляют свидетелей. Он понял это слишком поздно.

Он посмотрел на фотографию на тумбочке — жена, дочь, смеются. Единственная вещь, которую он взял с собой. Он не видел их полгода. Запрещено. Правила игры, в которую он связался, не зная ставок. Он думал, что защищает их. Теперь понимал, что подставил.

Время шло. Чувство опасности, сжатое в пружину в первые недели после смерти Гарсии, постепенно ослабло. Полтора года — слишком долгий срок, чтобы всё время ждать

удара. Он научился жить с этим. Перестал вздрагивать от каждого шороха. Почти убедил себя, что о нём забыли.

С улицы донёлся ритмичный бас — тяжёлый, вибрирующий. Он встал, подошёл к окну, отдернул занавеску. На парковку въезжал белый лимузин, украшенный лентами и цветами. Из него выходили молодожёны — она в пышном платье, он в съехавшем набок галстуке. Музыка гремела из наружных динамиков, заставляя дрожать оконное стекло.

Коул смотрел на них. Молодые, счастливые, пьяные. Они не знали, что где-то в пустыне открывается портал. Что где-то люди умирают в петле. Что где-то такие же, как они, исчезают без следа. Они просто жили.

Он почти улыбнулся.

А потом увидел, как на стекле возникают трещины — тонкие, расходящиеся лучами от центра. Одна, вторая, третья. Он не услышал выстрелов. Только бас, дрожащее стекло, и мир померк.

23:15. Мотель «Ранчо». Лас-Вегас.

Мотель стоял на окраине, между шоссе и железнодорожными путями. Одноэтажное здание из бурого кирпича, неоновая вывеска с перегоревшей буквой «О», парковка на пять машин. Всё выглядело точно так, как он себе представлял. Слишком точно.

Кирилл заглушил двигатель за квартал до мотеля. Вышел из машины, оставив ключи в замке зажигания — если придётся уходить быстро, каждая секунда на счету.

Он пошёл пешком. Вдоль забора, мимо мусорных баков, мимо старого грузовика на кирпичах. Луна висела низко — жёлтая, как старый фонарь. В отдалении, у главного входа, стоял белый лимузин с лентами на капоте. Музыка из его динамиков — тяжёлый, ритмичный бас — долбила по ушам. Молодожёны. Они праздновали, пока в нескольких метрах от них...

Кирилл отвёл взгляд. Пошёл дальше.

Номер 14 был в конце здания. Занавески задёрнуты, свет не горит.

Кирилл встал у стены, прижался спиной к кирпичам. Прислушался. Тишина. Ни шагов, ни голосов, ни храпа.

Он достал выключенный коммутатор. Бесполезен. Лин предупредила: не включать. Значит, кто-то мог отслеживать сигнал. Он сунул коммутатор обратно в карман. Постучал в дверь — три коротких удара.

Ничего.

— Коул, — сказал он негромко. — Я один. Без оружия. Коммутатор выключен.

Тишина.

Кирилл толкнул дверь. Она не была заперта.

Запах ударил в ноздри сразу — сладковатый, тошнотворный. Кровь. Ещё свежая, но уже начинающая сворачиваться. Он замер на пороге, не переступая через следы на полу. Включил фонарик на коммутаторе — луч выхватил комнату из темноты.

Кровать застелена. Тумбочка пуста. В ванной никого. На полу, у дальней стены — тёмные брызги. Мелкие, почти незаметные в тусклом свете. Он не стал приседать, чтобы рассмотреть их ближе. Запомнил расположение, характер, цвет — этого достаточно.

Луч фонаря скользнул по стене. Три отверстия. Маленькие, круглые, расположенные треугольником. Он знал такие отверстия. Глушитель. Пули малого калибра. Профессионально, без шансов. Никаких следов борьбы — Коул не сопротивлялся. Может быть, даже не понял, что произошло.

Луч фонаря замер на тумбочке. Фотография. Женщина и девочка — смеются. Кирилл не прикоснулся к ней. Просто запомнил лица.

Кто знал о мотеле? Лин. Майклз. Он сам. И — если его догадка верна — тот, кто слушал его коммутатор.

«Прослушка».

Слово всплыло откуда-то из глубин сознания, холодное и точное. Лин говорила: «Кто-то следит за нами». Он не придал значения. Теперь придал.

Он представил, что эти пули могли предназначаться ему. Три отверстия в стене — три отверстия в его теле. Смерть без свидетелей. Мотель на окраине, неоновая вывеска с перегоревшей буквой. Никто бы не искал.

Он вышел из номера — аккуратно, не прикасаясь к дверной ручке. Закрыв дверь локтем. Пошёл к машине — не оглядываясь, но каждую секунду ожидая выстрела в спину.

Каждый шаг отдавался в позвоночнике. Бас из лимузина всё ещё гремел, заглушая все остальные звуки. Он не слышал, идёт ли кто-то за ним. Просто шёл.

Сел в «Хонду». Завёл двигатель.

В зеркале заднего вида мотель «Ранчо» горел перегоревшей буквой «О». Кирилл выехал на шоссе и нажал на газ. Руки на руле не дрожали. Но где-то внутри, под рёбрами, разрастался холод.

«Кто-то слушает мой коммутатор. Кто-то знает каждый мой шаг. Кто-то опередил меня на два часа».

Он ехал в сторону пустыни. В сторону ОСПБ. В сторону портала, до открытия которого оставалось шесть дней.

Глава 6

ОСПБ. Комната Кирилла. 04:30 утра.

Он вернулся за час до рассвета.

Пустыня встретила его холодом — ночная температура упала почти до нуля. Кирилл заглушил двигатель на парковке, но не вышел сразу. Сидел, смотрел на серое здание общежития, на тусклые огни в окнах.

Обратный путь занял те же четыре часа, но они тянулись вдвое дольше. Он прокручивал в голове одно и то же: кто слушал его коммутатор? Кто опередил его на два часа?

И главное — зачем? Что такого мог узнать Коул, чего не знал Гарсия? Что такого было на той стороне портала, что ради этого убивали людей?

«Если бы дело было только в предсказаниях — никто бы не убивал. Предсказания спасают тысячи. Их бы охраняли, а не скрывали. Значит, есть что-то ещё. Что-то, что перевешивает пользу от Эхо. Что-то, что нельзя допустить наружу».

Он вспомнил слова Лин: «Гарсия предполагал, что оригиналы остаются там». Но она не сказала, что с ними происходит. Не знала? Или не хотела говорить?

«Если оригиналы живы — где они? Если мертвы — почему их копии выходят сюда? И почему они не улыбаются?»

Вопросы множились, а ответов не было. Он знал только

одно: кто бы ни стоял за этим, он был внутри ОСПБ. И он был готов убивать.

На полпути к базе, когда бензина оставалось на четверть бака, он свернул на придорожную заправку. Тусклый свет, пустая парковка, ночной ветер, гоняющий пыль. У колонки стояла девушка в короткой юбке и потёртой кожаной куртке — ждала клиента. Он подошёл к ней, достал пятнадцать долларов.

— Мне нужен твой коммутатор. На полчаса. Ты просто постоишь здесь.

Она посмотрела на деньги, на него — оценивающе. Потом пожала плечами и протянула устройство.

Кирилл отошёл в сторону. Набрал номер Майклза по памяти — не сохраняя в чужой памяти.

— Майклз. Это Волков. Молчи и слушай. Мой коммутатор прослушивают. Мне нужно знать, как это проверить.

Майклз присвистнул.

— Код диагностики знаешь? Звёздочка-ноль-три-решётка. Откроешь скрытое меню. Там смотри фоновые процессы. Если есть активный канал, который ты не открывал — это оно.

— Понял.

— И ещё. Не вздумай отключать. Они поймут, что ты их засёк. Лучше просто молчи при коммутаторе. Или говори то, что они хотят слышать.

— Спасибо. Ты мне ничего не должен.

Он вернул коммутатор девушке. Она всё ещё стояла у колонки, кутаясь в куртку.

— Всё?

— Всё.

— Странный ты.

— Знаю.

Он сел в машину и поехал дальше. Теперь он знал, как проверить. Оставалось дожидаться утра.

Он достал коммутатор. Открыл скрытое меню — звёздочка-ноль-три-решётка. Экран мигнул, показывая списки процессов. Активный канал. Фоновый сигнал. Слабый, почти незаметный. Но постоянный.

«Прослушка. Майклз был прав».

Кто-то слушал его. Кто-то знал о каждом звонке, о каждом разговоре с Лин, о каждом его шаге. Кто-то внутри ОСПБ.

Он не стал отключать. Просто выключил экран и положил коммутатор на тумбочку. Пусть слушают тишину. Пусть думают, что он спит.

Снял куртку, повесил на спинку стула. Достал из ящика старый блокнот — бумажный, аналоговый, который не взломать. Написал на первой странице:

«Прослушка. Внутренний код. Свой».

Ниже: «Коул мёртв. Кто знал о мотеле? Лин, Майклз, я. Четвёртый — тот, кто слушал».

И ещё ниже: «Зачем? Что скрывают? Что на той стороне?»

Закрыв блокнот. Сунул в карман. Коммутатор оставил на

тумбочке — пусть лежит. Теперь он будет говорить только лицом к лицу. И только с теми, кому доверяет.

08:00. Медицинский блок. Лаборатория Лин.

Лин была уже на месте — сидела за пультом, с кружкой остывшего чая. Когда Кирилл вошёл, она подняла глаза и сразу всё поняла — по его лицу, по тому, как он закрыл за собой дверь и не положил на стол коммутатор.

— Вы без него, — сказала она.

— Прослушка. Внутренний код. Кто-то из наших. — Он сел напротив. — Коммутатор остался в комнате. Пусть слушают тишину.

— Вы уверены?

— Майклз подтвердил. Я звонил ему с чужого номера. С заправки.

Лин откинулась на спинку стула. Её пальцы сжали кружку — он видел, как побелели костяшки.

— Если они знают о вас, они знают и обо мне. О файлах. О карте.

— Вы боитесь.

— Да. — Она не стала отрицать. — Гарсия тоже думал, что его никто не слышит. — Она помолчала. — Но теперь хотя бы здесь мы можем говорить свободно.

— У нас шесть дней. — Кирилл посмотрел на неё. — Вы сказали, что поможете с оборудованием.

Лин кивнула. Открыла ящик стола и достала маленький чёрный браслет.

— Начнём с этого.

Лин достала из ящика маленький чёрный браслет — гладкий, без кнопок, без экрана. Только тонкая серебристая полоска на внутренней стороне.

— Наручный монитор. Носите не снимая. Он считывает ваш нейропаттерн и сравнивает с эталонным, который мы запишем сегодня.

— Откуда вы знаете, что это понадобится?

Лин помолчала. Потом открыла на экране файл — старый, с пометкой «Гарсия. Гипотезы. Не проверено».

— Гарсия оставил записи. Он предполагал, что порталом управляет нечто — не человек, не программа в обычном смысле. Он не успел доказать свою гипотезу. Но был уверен в одном: это существо взаимодействует с сознанием. Может читать мысли. Внедрять образы. И, возможно, говорить голосами — вашими голосами. Прямо у вас в голове. Так, что вы не отличите эту мысль от своей собственной.

— И вы верите в это?

— Я верю в то, что Гарсия был прав во всём остальном.

— Она посмотрела на браслет. — Если на той стороне кто-то попытается говорить вашим голосом, монитор это заметит. Чужое сознание изменит ваш нейропаттерн. Загорится красный.

Кирилл смотрел на браслет. Потом поднял глаза на Лин.

— Если он может говорить моим голосом, как я пойму, что это не я? Что это не моя мысль?

— В этом и смысл тренировок, — сказала Лин. — Представьте: вы на той стороне. Вы один. Вы слышите свой внутренний голос — тот самый, которым вы думаете каждый день. Он говорит: «Поверни налево». Или: «Открой эту дверь». Или: «Доверься мне». Это может быть ваша мысль. А может быть — чужая, маскирующаяся под вашу.

— Как отличить?

— По интонации. Вы — человек. Вы сомневаетесь. Ваш внутренний голос делает паузы, колеблется, переспрашивает. А тот, кто говорит извне, — нет. Он не сомневается. Он будет звучать уверенно, без пауз. Как диктор. Как автомат. — Она помолчала. — Если вы подчинитесь чужому голосу, считая его своим, — вы станете марионеткой. Будете делать то, что прикажут, и не знать об этом.

— И браслет должен меня предупредить.

— Да. Но есть три процента ошибки. Если браслет не работает, вы останетесь один на один с голосом. И тогда единственное, что вас спасёт, — это ваше умение слышать ложь. Сейчас вы не умеете. Никто не умеет. Мы учимся этому с нуля. — Она указала на кресло. — Начнём.

Кирилл застегнул браслет. Зелёный свет мигнул и погас. Металл был холодным — холоднее, чем воздух в лаборатории.

— Садитесь, — сказала Лин. — Начнём с записи эталонного паттерна.

Кирилл сел в кресло. Лин закрепила датчики на его вис-

ках, запястьях, груди — холодные металлические кружочки, пахнущие спиртом. Экран над креслом засветился синим.

— Закройте глаза. Дышите ровно. Ни о чём не думайте.

Он закрыл глаза. Пытался не думать. Не получалось. Перед глазами стояла комната в мотеле. Тёмные брызги на полу. Три отверстия в стене.

— Вы думаете о мотеле, — сказала Лин. — Я вижу по датчикам.

— Я пытаюсь не думать.

— Не пытайтесь. Просто дышите.

Он дышал. Считал вдохи. Один, два, три. Пятно на полу становилось больше. Потом исчезло.

— Хорошо. Теперь представьте, что вы на той стороне. Вы входите в портал.

Кирилл представил. Мерцающий прямоугольник. Запах озона. Серый бетон сектора приёма. Он делает шаг — и тишина. Не пугающая. Зовущая. Он увидел застывшую каплю дождя в воздухе — стеклянную, холодную. Она висела перед ним, как маленькая планета.

— Ваш паттерн изменился, — сказала Лин. — Вы боитесь?

— Да.

— Хорошо. Страх — это нормально. Бояться — значит быть живым.

Она отключила аппарат. Сняла датчики.

— Хватит на сегодня. Вы устали.

— Я в порядке.

— Вы не в порядке. — Она убрала датчики в ящик. — Идите. Поспите хотя бы пару часов. Завтра начнём тренировки.

Кирилл встал. Посмотрел на браслет. Зелёный свет горел ровно.

— Он всегда будет зелёным?

— Пока вы — это вы. — Лин отвернулась к монитору. — Завтра в восемь.

Лин включила симулятор. Экран над креслом засветился синим.

— Я буду проигрывать голоса. Вы должны сказать — ложный или настоящий.

— А настоящий будет?

Лин посмотрела на него.

— Не знаю. И вы не знаете. В этом и смысл.

Первый голос был мужским. Низкий, с хрипотцой. Он говорил что-то про погоду — безобидное, бытовое. Кирилл слушал, пытаясь уловить фальшь. Голос звучал ровно, без единой запинки.

— Ложный, — сказал он.

— Почему?

— Слишком ровно. Как будто читает с листа.

— Хорошо. Следующий.

Второй голос был женским. Мягкий, с лёгкой картавинкой. Он напомнил Кириллу кого-то из прошлой жизни —

может быть, свидетельницу на одном из допросов. Голос говорил о сыне, о школе, о домашнем задании. Слишком подробно. Слишком правильно.

— Ложный.

— Почему?

— Настоящий человек не вспоминает такие мелочи, когда волнуется. Он сбивается. А этот — нет.

— Хорошо.

Третий голос заставил его замереть.

«Ты не сможешь меня спасти».

Полина. Её голос — тот самый, с лёгкой хрипотцой. Тот, что он слышал сегодня в допросной. Тот, что звучал в его кошмарах два года подряд.

Кирилл молчал. Датчики на висках запищали — сердцебиение подскочило.

— Волков? — голос Лин донёсся как сквозь толщу воды.

— Вы должны ответить. Ложный или настоящий?

Он не мог. Голос Полины звучал в голове, и каждое слово било под дых. «Ты не сможешь меня спасти». Это было правдой. Он не смог тогда, в машине скорой. Не сможет и сейчас.

— Волков!

— Ложный, — выдохнул он наконец.

— Почему?

— Потому что она не сказала бы этого. Она сказала бы...

— Он запнулся. — Она сказала бы: «Не пытайся».

Лин выключила симулятор. В лаборатории повисла тишина.

— Вы ошиблись.

— Что?

— Вы должны были ответить сразу. Вы ждали. Вы слушали этот голос и не могли отличить его от настоящего. — Она посмотрела на него. — Если бы это была не тренировка, вы бы уже были марионеткой.

Кирилл молчал. Пот стекал по вискам. Датчики всё ещё попискивали.

— Ещё раз.

Лин включила аппарат. Голоса атаковали волнами — мужские, женские, детские. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то читал стихи. Кирилл отбивался: «ложный», «ложный», «ложный». Один раз принял женский голос за мужской — просто перепутал, усталость брала своё.

Потом снова голос Полины.

«Я знала, что ты придёшь».

Кирилл сжал подлокотники кресла.

— Ложный.

— Почему?

— Потому что она не знала. Она умерла до того, как я успел что-либо сделать.

Лин выключила аппарат. Сняла датчики.

— Хватит на сегодня. Вы устали.

— Я в порядке.

— Вы не в порядке. — Она убрала датчики в ящик. — Но для первого раза — неплохо. Вы слышали разницу. Не сразу, но слышали.

Кирилл встал. Ноги были ватными, голова гудела.

— Она будет звучать там? Её голос?

— Не знаю. — Лин посмотрела на него. — Но если будет — вы должны быть готовы.

Он посмотрел на браслет. Зелёный свет горел ровно.

— Завтра в восемь, — сказала Лин. — И постарайтесь поспать. Хотя бы пару часов.

Кирилл кивнул и вышел.

Глава 7

Вечером после первой тренировки Кирилл понял, что не может сидеть в четырёх стенах. Голоса из симулятора всё ещё звенели в голове. Голос Полины — «Ты не сможешь меня спасти» — звучал громче остальных.

Он взял пикап — старую «Хонду», которая знала его лучше, чем кто-либо на этой базе, и поехал в город. По пути заскочил в круглосуточный магазин электроники на окраине, купил дешёвый одноразовый коммутатор. Старый, с прослушкой, остался в комнате — пусть слушают тишину. Этот будет чистым. Хотя бы на время.

Бар на окраине, где не задавали вопросов. Он заказал виски, выпил половину, оставил вторую нетронутой. Просто сидел и смотрел, как лёд тает в стакане. Через час ушёл.

Обратная дорога была пустой. Шоссе, разрезающее пустыню, луна над головой, звёзды — яркие, холодные. Он ехал не быстро, думая о том, что завтра снова тренировка. Снова голоса. Снова попытки отличить ложь от правды внутри собственной головы.

Машина выехала на прямой участок. Он нажал на газ. И тут услышал хлопок — короткий, резкий, где-то под днищем. На панели замигал индикатор тормозной системы.

А потом из-за поворота вылетел грузовик. Дальний свет ударил в глаза. Встречная полоса. Прямо на него.

Кирилл ударил по тормозам. Педаль ушла в пол.

Мгновенная вспышка адреналина. Он рванул руль вправо, уходя от лобового столкновения. «Хонда» вильнула, слетела с шоссе, пронеслась по гравию и нырнула в кювет. Он успел довернуть руль — машина не влетела в бетонную стенку канавы, а заскрежетала боком по земле, замедляясь. Удар. Темнота на секунду. Потом тишина.

Холодная вода начала заполнять салон.

Кирилл открыл глаза. Он висел на ремне безопасности, плечо болело, в ушах звенело. Вода поднималась быстро — кювет был дренажным, и после вчерашнего дождя он был полон. Тогда он отстегнул ремень, сдёрнул его с катушки и, перехватив за металлическую пряжку, коротко, без замаха ударил в угол стекла. Стекло пошло трещинами и осыпалось. Этому учили в Москве, на курсах МЧС, куда их с Полиной отправили после одного неудачного штурма. «Не локтем, не кулаком — замком ремня. И только в угол». Он выбрался наружу, цепляясь за траву на краю кювета.

Через минуту он стоял на краю кювета, мокрый, тяжело дыша. Машина медленно погружалась в тёмную воду. Грузовик исчез за поворотом — водитель, возможно, даже не заметил, что едва не убил человека.

«Хлопок под днищем. Тормоза отказали. Случайность?»
Он знал, что нет. Кто-то подложил заряд под днище —

небольшой, дистанционный. Тот, кто слушал его комму­татор, знал, что он поедет в город. Знал, когда он вернётся. И ждал.

Кирилл посмотрел на тёмную воду кювета, где скрылась его машина. Потом развернулся и пошёл пешком в сторону базы.

До базы было три мили. Он шёл по обочине, не пытаясь голосовать. Встречные машины проносились мимо, обдавая его пылью и горячим воздухом. Он не оборачивался. Мокрая одежда прилипла к телу, плечо болело — похоже, растяже­ние, не перелом. Синяки будут завтра. Если завтра наступит.

«Заряд под днищем. Дистанционный подрыв. Кто-то знал, что я поеду в город. Знал, когда вернусь. Знал, где я буду».

Он перебирал в голове имена. Майклз? Нет, Майклз был должен ему за покер и только что помог вычислить прослуш­ку. Морган? Морган дал ему карт-бланш и семь дней. Зачем ему убирать того, кого он сам отправил? Лин? Лин риско­вала не меньше него. Сара? Сара приносила ему кексики и волновалась о сестре.

«Кто-то ещё. Кто-то, кого я не вижу. Кто-то, кто знает каждый мой шаг».

Он вспомнил слова Моргана: «Те, кому выгодна работа портала». И слова Лин: «Кто-то из наших». Теперь этот кто-то перешёл от прослушки к действию. Покушение выгляде­ло как несчастный случай: выпил, не справился с управле­нием, слетел в кювет. Никто бы не стал копать. Следовательно

ОСПБ, бывший оперативник, разбился на пустой трассе — трагично, но не подозрительно.

«Они не знают, что я выжил. Пока не знают».

Он дошёл до КПП в начале четвёртого утра. Охранник — тот самый молодой парень — удивлённо поднял голову.

— Сэр? Что случилось?

— Авария. Съехал в кювет. — Кирилл показал удостоверение. — Машина осталась там. Заберу утром.

— Вы в порядке?

— В порядке.

Он прошёл через турникет. В жилом модуле стянул мокрую одежду, бросил на пол. Достал из ящика старый блокнот. Дописал вчерашнюю запись:

«Прослушка. Внутренний код. Свой».

Ниже: «Покушение. Заряд под днищем. Дистанционный подрыв».

И ещё ниже: «Кто знал, что я поеду в город? Кто знал, когда вернусь? Кто-то внутри. Кто-то, кого я не вижу».

Закрыв блокнот. Сунул в карман. Лёг на кровать, не раздеваясь. Потолок. Трещина. Зелёный свет браслета.

«Шесть дней. Теперь они знают, что я жив. И попробуют снова».

Он закрыл глаза. Спать не хотелось. Хотелось найти того, кто за это ответит.

На следующее утро Кирилл пришёл в лабораторию на час раньше обычного. Лин сидела за пультом, но при его появлении сразу встала — слишком резко, едва не опрокинув кружку.

— Вы живы, — сказала она. Не спросила. Констатировала факт с явным облегчением. — Я слышала про аварию. Охранник на КПП рассказал.

— Это была не авария. — Кирилл закрыл за собой дверь. — Кто-то подложил заряд под днище. Тормоза отказали. Я слетел в кювет.

Лин опустила обратно на стул. Её лицо побелело.

— Вы уверены?

— Я слышал хлопок перед тем, как отказали тормоза. — Он не стал уточнять детали. Сейчас это было не важно. — Кто-то пытался меня убрать. Тихо, под видом несчастного случая.

— Они знают, — прошептала Лин. — Они знают, что мы работаем вместе. Что вы копаете. Что я передала вам файлы.

— Знали с самого начала. Прослушка на коммутаторе, обыск в лаборатории, а теперь это. — Он посмотрел на неё. — Вы всё ещё хотите мне помогать?

Лин подняла глаза. В них был страх — настоящий, липкий. Но когда она заговорила, голос звучал ровно.

— У меня нет выбора. Если они уберут вас, они придут

за мной. Если мы остановимся сейчас, Гарсия погиб зря. — Она помолчала. — Я не хочу, чтобы его смерть была напрасной.

— Тогда продолжим.

— Да. — Она встала, подошла к креслу с датчиками. — Садитесь. Времени мало. Если они попробовали один раз, попробуют снова. Вы должны быть готовы.

Кирилл сел в кресло. Лин закрепила датчики — быстрее, чем вчера, почти механически. Но её пальцы дрожали.

— Сегодня будем работать с голосами, — сказала она. — Вчера вы замешкались на голосе Полины. Этого нельзя допустить.

— Я понимаю.

— Нет. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Не понимаете. Там, на той стороне, не будет тренировки. Не будет симулятора. Не будет меня, чтобы сказать: «Вы ошиблись». Там будет только вы и тот, кто попытается говорить вашим голосом. И если вы замешкаетесь хоть на секунду — вы мертвы.

Кирилл молчал.

— Начинаем. — Она включила аппарат. Экран засветился синим.

Лин включила аппарат. Экран засветился синим.

— Сегодня будет сложнее. Вчера голоса шли по одному.

Сегодня они будут смешиваться. Настоящий голос может прозвучать среди ложных. Или не прозвучать. Вы должны не просто отличить — вы должны почувствовать.

— Как?

— Не знаю. — Она посмотрела на него. — Это как с ложью на допросе. Вы же чувствуете, когда подозреваемый врёт? Не по словам — по тому, как он их произносит. Здесь то же самое. Только подозреваемый — внутри вас.

Она нажала кнопку.

Голоса обрушились волной. Мужской, женский, детский — все одновременно. Кто-то говорил о погоде, кто-то читал стихи, кто-то смеялся. Кирилл сосредоточился, пытаясь вычленил каждый по отдельности.

— Ложный, ложный, ложный, — отбивал он. Пальцы сжимали подлокотники. — Ложный. Настоящий. Ложный.

Лин остановила запись.

— Ошибка. Третий голос — вы сказали «ложный», но он был настоящим. Это был ваш собственный паттерн, записанный вчера.

— Я не узнал его.

— Потому что он смешался с другими. — Она отмотала запись. — Слушайте внимательно. Вот здесь — микропауза. Ваш паттерн даёт микропаузу перед каждым утверждением. Вы сомневаетесь, даже когда уверены. А ложные голоса — нет.

— Микропауза, — повторил Кирилл. — Я должен слу-

шать паузы.

— Да. Это ваш ключ. У каждого человека свой ритм речи, свои сомнения, свои заминки. У того, кто говорит извне, их нет. Он идеален. А идеальность — это и есть фальшь.

Она включила симулятор сна. Голоса атаковали волнами. Кирилл закрыл глаза, чтобы не отвлекаться на экран. Слушал. Пропускал слова мимо сознания, сосредоточившись на ритме. Микропаузы. Заминки. Дыхание.

— Ложный. Ложный. Настоящий. Ложный. Настоящий. Ложный.

Голос Полины ворвался внезапно.

«Ты всё ещё здесь. Ты не сдаёшься. Это хорошо».

Пауза. Сердце пропустило удар. Но он уже слышал ритм — ровный, как метроном. Без единой заминки.

— Ложный, — сказал он. Голос прозвучал спокойно.

Лин остановила запись. Посмотрела на него.

— Ни одной ошибки за последние десять голосов.

— Микропаузы работают.

— Это прогресс. — Она не улыбнулась. — Но помните: симулятор — это симулятор. Там, на той стороне, голос может быть гораздо убедительнее. Он может использовать ваши воспоминания. Ваши страхи. Вашу... — Она запнулась. — Вашу Полину.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимаете. — Она выключила аппарат. — Но поймёте, когда окажетесь там.

Кирилл встал. Голова гудела, но это была приятная усталость — как после хорошей работы.

— Завтра продолжим.

— Завтра, — кивнула Лин. — И послезавтра. И каждый день, пока вы не будете готовы. Или пока они не попробуют снова.

— Они попробуют.

— Знаю. Поэтому вы должны быть готовы раньше.

Утром он взял служебный пикап и поехал к кювету.

Солнце только начало подниматься над пустыней, окрашивая песок в оранжевый. Машина всё ещё лежала на дне канавы, наполовину погружённая в мутную воду. Но что-то было не так. Кирилл заметил это сразу, ещё с дороги: свежие следы на краю кювета. Отпечатки обуви — чёткие, глубокие. Кто-то спускался вниз. И поднимался обратно.

Он съехал на обочину, заглушил двигатель. Подошёл к краю канавы, внимательно глядя под ноги. Следы вели к машине и обратно. Размер — мужской, десятый или одиннадцатый. Рисунок протектора смазан — человек не хотел оставлять чётких отпечатков, но земля была слишком влажной после вчерашнего дождя.

Кирилл спустился вниз. Машина стояла так же, как он её оставил — но капот был приоткрыт. Он точно помнил, что закрывал его вчера, перед тем как идти на базу. Поднял крышку. Двигатель был нетронут. А вот следы на раме —

свежие царапины от инструмента — говорили сами за себя.

«Он вернулся. Снял заряд. Замел следы».

Кирилл выпрямился и осмотрелся. Больше ничего. Только следы, царапины и холодная ясность: тот, кто пытался его убить, знал, что он выжил. И уже готовился к следующему шагу.

Он вызвал эвакуатор. Пока ждал, сидел на краю канавы и смотрел на следы. Потом достал новый коммутатор — тот самый, купленный вчера в городе. Сделал снимок отпечатков. Улика. Не такая весома, как заряд, но всё же улика.

«Кто-то внутри. С доступом к военному оборудованию. С доступом к моему графику. С доступом к машине».

Он убрал коммутатор. Круг сужался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.